

69-7

1611

В. Богоразъ.

Къ психологіи

шаманства у народовъ

Съверо-восточной Азіи.

(Отдѣльный оттискъ изъ «Этнографическаго Обозрѣнія», кн. LXXXIV—LXXXV).

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1910.

Къ психологіи шаманства у народовъ Сѣверовосточной Азіи¹⁾.

В в е д е н і е.

Главная часть матеріаловъ, изложенныхъ въ предстоящемъ сообщеніи, является извлеченіемъ изъ четвертой главы второй части моей монографіи о чукчахъ, изданной въ Лейденѣ и Нью-Йоркѣ на англійскомъ языкѣ¹⁾. Эти матеріалы относятся къ чукотскому шаманству. Я использовалъ также для сравненія данныя, относящіяся къ шаманству сосѣднихъ племенъ, по личнымъ наблюденіямъ и по записямъ другихъ изслѣдователей, и такимъ образомъ попытался сдѣлать очеркъ психологіи шаманства у народовъ сѣверовосточной Азіи. Впрочемъ, чукотскіе матеріалы все-таки остались на первомъ планѣ. Это тѣмъ болѣе естественно, что жизнь чукотскаго племени была меньше всего нарушена посторонними вліяніями, и такимъ образомъ чукотское шаманство, находясь на весьма первоначальной стадіи, развернулось все-таки въ неискаженномъ и неукороченномъ видѣ.

Оно характеризуется, между прочимъ, значительнымъ развитіемъ чревовѣщанія и разнообразныхъ магическихъ фокусовъ и приемовъ шаманскаго лѣченія, обиліемъ заклинаній, благотѣльныхъ и вредоносныхъ, а также половымъ извращеніемъ особаго рода, которое приводитъ мужчинъ къ исполненію роли женщинъ и наоборотъ.

¹⁾ Читано 30 декабря 1909 г. въ соединенномъ засѣданіи подсекцій этнографіи и антропологии XII съѣзда естествоиспытателей и врачей.

²⁾ Publications of Jesup North Pacific Expedition. Volume VII. The Chukchee. Part I, Material Culture; Part II Religion; Part III, Social Organisation Volume VIII. Part I Chukchee Texts. (находится въ печати).

Всѣ эти особенности существовали въ прежнее время у многихъ сосѣднихъ племенъ, напримѣръ, у коряковъ и у камчадаловъ. Такъ, по словамъ В. Йохельсона, у коряковъ сохранились преданія о шаманахъ превращеннаго пола. Въ прежнее время коряки имѣли шамановъ разнаго рода, вполне подобныхъ чукотскимъ шаманамъ. Но въ настоящее время коряцкіе шаманы почти исчезли¹⁾. Точно также коряцкія заклинанія, сравнительно съ чукотскими, поражаютъ бѣдностью и отрывистостью. Чукотское шаманство, напротивъ, является очень типичнымъ и составляетъ самый благодарный предметъ для изученія.

Мое сообщеніе носить по преимуществу фактическій характеръ²⁾. Я воздерживался отъ обобщеній, ибо считаю, что этнографія въ ея настоящемъ состояніи еще не созрѣла для обобщеній и болѣе всего нуждается въ обильныхъ, тщательно провѣренныхъ и научно изслѣдованныхъ фактахъ. Въ этомъ отношеніи этнографія первобытныхъ племенъ представляетъ, можно сказать, зіяющіе пробѣлы. Она не избавилась даже отъ басенъ, сочиняемыхъ невѣжественными миссіонерами и досужими туристами о скудости первобытныхъ языковъ, о бѣдности и безсвязности первобытныхъ религіозныхъ представленій и т. д. Всѣмъ извѣстны рассказы о племенахъ, языкъ которыхъ будто бы имѣетъ не больше 200—300 словъ, которые считаютъ не дальше трехъ, объясняются наполовину жестами и потому не могутъ разговаривать въ темнотѣ, и т. д. На дѣлѣ, однако, можно записать десять и двадцать тысячъ словъ изъ языка чукотскаго или эскимосскаго, гилякскаго, тунгусскаго, и его лексикологія еще не будетъ исчерпана. Помимо разнообразія конкретныхъ опредѣленій, первобытный языкъ въ своей сложной еще не упрощенной конструкціи имѣетъ техническую возможность для составленія отвлеченныхъ терминовъ.

Чукотскій языкъ имѣетъ, напримѣръ, больше пятидесяти терминовъ для опредѣленія различныхъ оттѣнковъ окраски оленьей

1) В. Йохельсонъ, Коряки, Часть I стр. 48 (на англійскомъ языкѣ).

2) „Нижеизложенныя замѣчанія были сдѣланы авторомъ во время преній. Я предпочелъ однако помѣстить ихъ въ началѣ, ибо они относятся отчасти къ методамъ изслѣдованія.

шкуры, которая нашимъ глазамъ кажется однообразно сѣрой, и въ то же время онъ можетъ совершенно правильно и точно составлять такія отвлеченныя слова, какъ *vá-irgin* бытіе, *wañé-na* орудіе, *taiki'-yo-lqal*—матеріаль и т. п. То же самое можно сказать о сложности первобытной религіи и матеріальной культуры. Тѣ племена, которыя мы называемъ первобытными, въ сущности очень далеко ушли отъ настоящаго древняго *homo primitivus*. Они оставили назади себя длинную цѣпь культурныхъ приобрѣтеній, которая исчисляется во времени многими десятками тысячелѣтій и въ которой сорокъ послѣднихъ столѣтій исторической жизни человѣчества составляетъ только послѣднее узкое звено.

Устройство деревяннаго огнива требовало, быть можетъ, больше работы ума и терпѣнія, чѣмъ устройство электрической машины. Сдѣлать первый челнокъ было, конечно, труднѣе, чѣмъ соорудить пароходъ. Можно назвать прирученіе животныхъ, выдѣлку оружія и звѣроловныхъ снарядовъ, приготовленіе одежды, посуды и множество другихъ культурныхъ приобрѣтеній, о которыхъ мы обыкновенно забываемъ, ибо они остались позади насъ. Все это готские плоды работы человѣческаго генія, принадлежащіе такъ называемымъ первобытнымъ племенамъ. Ихъ совокупность создаетъ сложность жизни тѣлесной и духовной, которая требуетъ старательнаго и осторожнаго изученія.

Если говорить объ обобщеніяхъ, то прежде соціологическихъ обобщеній въ этнографической наукѣ должны явиться ряды обобщеній географическихъ, обнимающихъ опредѣленныя группы племенъ, сходныхъ по культурѣ и живущихъ въ географическомъ сосѣдствѣ. Цѣпь такихъ обобщеній относится къ такъ называемой группѣ круго-тихоокеанскихъ народовъ, живущихъ по обоимъ берегамъ Берингова моря и сходныхъ между собой по матеріальной культурѣ, вѣрованіямъ и фольклору.

Въ предѣлахъ Сибири можно достигнуть большихъ результатовъ, работая надъ изученіемъ аналогичной цѣпи приполярныхъ племенъ и приполярной культуры, единообразной на всемъ пространствѣ отъ Лапландіи до Чукотскаго Мыса и дальше вдоль американскихъ береговъ до Гренландіи и Лабрадора.

Обобщенія, которыя я сдѣлалъ въ изслѣдованіи шаманства, имѣютъ прежде всего именно такой географическій характеръ и

относятся къ народамъ сѣверовосточнаго угла Сибири отъ Лены до Камчатки и до Мыса Дежнева.

Помимо того, я счелъ возможнымъ сдѣлать еще два болѣе широкихъ обобщенія. Первое заключается въ указаніи на поголовное шаманство, какъ на самую раннюю стадію развитія. Я хотѣлъ обратить вниманіе на роль массы, толпы, демоса, въ соціальной и духовной жизни, ибо изслѣдователи большей частью пренебрегаютъ изученіемъ массовыхъ явленій и все вниманіе посвящаютъ значенію отдѣльныхъ лицъ, вождей, героевъ, жрецовъ, а также безличныхъ институтовъ.

Второе обобщеніе относится къ взаимному отношенію мужского и женскаго элемента въ шаманствѣ. Изученіе ряда фактовъ заставляетъ допустить, что женскій элементъ въ шаманствѣ вначалѣ преобладалъ, но постепенно отступилъ на задній планъ. Въ связи съ этимъ, различныя подражанія мужскихъ шамановъ женской одеждѣ и убранству, вплоть до половыхъ извращеній, очень удобно могутъ быть разсматриваемы, какъ пережитки женскаго шаманства болѣе древняго, и сама собой напрашивается параллель съ другими соціальными пережитками сходнаго характера. Я предлагаю это обобщеніе только какъ гипотезу, вытекающую изъ фактовъ, собранныхъ въ кругу народовъ сѣверовосточной Азіи.

О п р е д ѣ л е н і е.

Шаманство есть стадія религіознаго развитія, которая соотвѣтствуетъ анимизму, какъ стадія развитія философскаго. Анимизмъ это философія и вмѣстѣ теологія шаманства. Шаманство, въ свою очередь, какъ слитная первичная форма, соединяетъ въ себѣ первобытную науку, медицину и хирургию, музыку и поэзію, культъ религіозный.

Между прочимъ, въ своихъ наивныхъ манипуляціяхъ шаманство съ самаго начала стало наткаться на силы природы, еще неизвѣстныя человѣку. Напомню, напримѣръ, любопытное сообщеніе Трощанскаго о приѣмѣ съ соломинкой, исполняемомъ якутскими шаманами. Соломинка сгибается въ видѣ двухъ соединенныхъ крючковъ. Потомъ между концами осторожно вводится птичье перо, которое было потерто о бересту, разумѣется, совмѣстно съ

заклинаніемъ. Концы соломинки расходятся. Якуты причину движенія приписываютъ заклинанію, и весь опытъ называютъ „сила слова“, нисколько не подозревая объ электричествѣ, развивающемся при треніи пера о бересту¹⁾.

Шаманство дѣйствуетъ однако по преимуществу магическими средствами, т.-е. старается различными обрядами, амулетами и заклинаніями повліять на окружающихъ духовъ въ пользу заклинантеля или во вредъ его противниковъ. Его матеріальные приемы поразительно напоминаютъ то, что уцѣлѣло у знахарей и у колдуновъ въ низшихъ слояхъ культурныхъ народовъ, также дѣйствія спиритовъ, уловки европейскихъ фокусниковъ, тоже очевидно унаслѣдованныхъ отъ древности.

Психологія шамановъ отличается импульсивностью. Еще по замѣчанію Дордже Базарова²⁾, самое слово шаманъ это манджурское *саманъ*, что означаетъ человѣка, „взволнованнаго, изстуженнаго, восторженнаго“, *genus irritabile vatum*—по опредѣленію римлянъ. Первобытные народы вообще импульсивнѣе культурныхъ. Они болѣе податливы къ различнымъ потрясеніямъ, какъ физическимъ, такъ и духовнымъ. Чукчи, напримѣръ, сами себя называютъ „народъ мягкій къ смерти“.

Эта мягкость, податливость къ смерти—больше духовнаго, чѣмъ физическаго характера. Она распространяется, между прочимъ, на многія сосѣднія народности, даже на русскихъ жителей. Такъ, во время эпидеміи кори въ 1899 году, незадолго до нашего пріѣзда, въ городѣ Гижигинскѣ русскій торговецъ изъ мѣщанъ, услышавъ за картами отъ исправника бѣгло брошенную фразу: „А я видѣлъ во снѣ, что вы умерли“, тутъ же ушелъ домой и умеръ. Чукча Карванукватъ на устьѣ Анадыра, продавшій мнѣ для коллекціи своего двухголоваго домашняго идола, внезапно почувствовалъ раскаяніе и предложилъ посовѣтоваться съ духами на счетъ этой продажи, въ ближайшую ночь въ сновидѣніи. Къ утру онъ былъ мертвъ. Между прочимъ, по слову чукчъ, шаманы болѣе всѣхъ „мягки къ смерти“. ³⁾

Юкагиры, по свидѣтельству Іохельсона, въ древнее время умирали отъ „внезапнаго стыда“, т.-е., вѣрнѣе, отъ внезапнаго по-

1) Троцанскій В. Ф. Эволюція Черной Вѣры у Якутовъ, стр. 124.

2) Черная Вѣра или Шаманство у Монголовъ, стр. 35.

3) В. Г. Богоразъ, Чукчи, II, Религія, стр. 365.

трясенія. Среди юкагировъ, а также среди обрусѣлыхъ инородцевъ и русскихъ старожиловъ на рѣкѣ Колымѣ женщины всѣ поголовно страдаютъ особой формой полярной истеріи, которая характеризуется болѣзненной подражательностью и пассивнымъ подчиненіемъ чужому приказанію и чаще всего называется *меряченье*¹⁾.

По свидѣтельству Трошанскаго, у якутовъ старухи почти всѣ поголовно страдаютъ меряченьемъ, хотя это сообщеніе, быть можетъ, и преувеличено.

Изучая шаманство, мы прежде всего наталкиваемся на цѣлыя категоріи мужчинъ и женщинъ, больныхъ нервной возбудимостью, порою явно ненормальныхъ или совсѣмъ сумасшедшихъ. Особенно часто это замѣчается у женщинъ, которыя вообще болѣе склонны къ неврозу.

Такъ, Тѣлриѣ, одна изъ самыхъ сильныхъ шаманокъ, которую я имѣлъ случай встрѣтить въ чукотскихъ кочевьяхъ на верховьяхъ рѣки Сухого Анюя, рассказывала мнѣ, что въ теченіе трехъ недѣль она была одержима безуміемъ. Домашніе связывали се и привязывали къ юртѣ. Ее подвергали жестокимъ побоямъ и мученіямъ. Особенной жестокостью отличалась свекровь.

М. Н. Хангаловъ упоминаетъ трехъ могущественныхъ бурятскихъ заянокъ (шаманокъ) Балаганскаго округа. Всѣ три въ разное время сошли съ ума и были замучены. Хѣмгѣ убита камнями, Голуха погибла отъ истязаній, Баранакъ умерла съ голоду въ пустой юртѣ, запертая свекровью. Память ихъ въ настоящее время чтится бурятскими шаманами²⁾. По свидѣтельству Ф. Боаза, среди американскихъ эскимосовъ сумасшедшіе считаются боговдохновенными, и ихъ отрывочныя фразы разсматриваются какъ пророчества.

Во всякомъ случаѣ, при изученіи шаманства нельзя забывать, что это форма религіи, созданная подборомъ людей наиболѣе нервно неустойчивыхъ. Среди народовъ культурныхъ такой подборъ уже не имѣетъ мѣста.

Люди большой душевной возбудимости, быть можетъ, становятся музыкантами, поэтами, художниками, рѣже монахами, миссіонерами.

1) Среди чукотскихъ женщинъ эта болѣзнь, напротивъ, почти неизвѣстна.

2) М. Н. Хангаловъ, Новые матеріалы о шаманствѣ у Бурятъ. Запис. Вост. Сиб. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. 1890, т. II, в. 1, стр. 91.

рами. Самые неустойчивые изъемяются изъ общества, какъ нервно больные и даже, какъ преступники. Духовная сила черныхъ шамановъ и, такъ называемыхъ, чукотскихъ „проказливыхъ шамановъ“ среди культурныхъ народовъ находить меньше примѣненія.

Первоначальная форма шаманства.

По мнѣнію многихъ изслѣдователей, первоначальная форма шаманства имѣла, такъ называемый, семейный характеръ. Каждая семья владѣла семейнымъ бубномъ, на которомъ глава семьи или другой домашній шаманъ изъ ея состава отправлялъ служеніе.

По свидѣтельству В. Йохельсона, такая форма шаманства преобладаетъ и теперь у коряковъ ¹⁾. По мнѣнію Троцанскаго ²⁾, жреческія обязанности у якутовъ въ древнее время совершались главами семей.

Во время моего путешествія внизъ по рѣкѣ Омолону въ Колымскомъ округѣ сквозь цѣлую цѣпь юкагирскихъ поселковъ, опустѣлыхъ и вымершихъ, я находилъ въ разныхъ домахъ остатки и обрывки шаманскихъ бубновъ. Спутникъ мой, изъ мѣстныхъ русскихъ жителей, все ужасался и повторялъ: „Какъ много колдуновъ было у старыхъ юкагирей“. Это были только семейные бубны, ибо мы знаемъ изъ юкагирскаго фольклора и изъ разныхъ сообщеній, что и у юкагировъ тоже преобладала семейная форма шаманства.

Такая же семейная форма шаманства преобладаетъ и у чукочъ. Однако изъ-за нея проглядываетъ на заднемъ планѣ форма шаманства еще болѣе примитивная, „шаманство поголовное“. Во время осенняго праздника убоя у оленныхъ чукочъ всѣ члены семьи вплоть до маленькихъ дѣтей имѣютъ право и даже обязанность другъ за другомъ побарабанить въ бубенъ съ тѣмъ же пѣніемъ и выкрикиваніями. Каждый старается, какъ можетъ, изображать изъ себя вдохновеннаго духами и вступать съ ними въ общеніе.

У обрусѣлыхъ инородцевъ и у русскихъ метисовъ на рѣкѣ Колымѣ и Анадырѣ шаманство почти исчезло. Однако, среди женщинъ очень распространенъ особый лѣчебный приѣмъ, который опредѣляется тоже глаголомъ: шаманить. Женщины, больныя болѣе

¹⁾ В. И. Йохельсонъ. Коряки, I, стр. 47.

²⁾ Черная Вѣра, стр. 123.

сильными формами истеріи, которая объединяется вмѣстѣ подъ общимъ именемъ „припадка“, ложатся въ постель, начинаютъ голосить на разные лады, произносятъ звуки, непонятные и почти нечленораздѣльные, послѣдніе остатки прежнихъ заклинаній, мечутся, бьются объ стѣны, потомъ затихаютъ и чувствуютъ облегченіе. Такія „припадочныя“ пытаются также предсказывать будущее, болѣе или менѣе неискусно, въ отличіе отъ настоящихъ шамановъ. Это, быть можетъ, тоже остатки шаманства поголовнаго.

У чукотъ шаманство поголовное до сихъ поръ имѣетъ большое значеніе. Во время охотничьихъ праздниковъ, въ видѣ благодарственной тризны, которая справляется надъ трупомъ убитаго звѣря и повторяется въ неопредѣленные сроки, смотря по удачливости охоты или по велѣнію духовъ, хозяевъ добычи,—въ семейномъ пологѣ звучить не одинъ, а нѣсколько бубновъ. Иные изъ нихъ принадлежатъ гостямъ, но два или три находятся въ рукахъ у домочадцевъ. И на этомъ праздникѣ всѣ юноши и дѣвушки, а также подростки, тоже колотятъ въ бубенъ, пляшутъ ритуальную пляску, громко выкрикиваютъ и всѣми мѣрами стараются привести себя въ состояніе экстаза. Въ этихъ случаяхъ мнѣ приходилось даже наблюдать массовое шаманство, особый психозъ, который завладѣвалъ одновременно всѣми присутствующими. Огромный чукотскій шатеръ, почти наглухо закрытый отъ свѣта, нарочно для праздника наполнялся дымомъ отъ полупогасшаго огня. Стукъ бубновъ, бѣшеные крики и взвизгиванія, то человѣческіе, то прямо звѣриные, смотря по тому, какой именно духъ имѣлся въ виду, звучали внушительно. Вся семья вмѣстѣ съ родственниками, друзьями и гостями, человѣкъ 20 или 25, ревѣла, плясала и выла спереди и сзади огня, какъ полагается по ритуалу. Въ этомъ случаѣ, между прочимъ, замѣчалось также любопытное обратное воздѣйствіе новѣйшей формы шаманства. Эта форма, о которой я буду говорить потомъ, есть форма индивидуальная, шаманство отдѣльных болѣе одаренныхъ и специализировавшихся волхвовъ и знахарей. Такіе индивидуальные шаманы, конечно, скоро замѣнили семейное и поголовное шаманство и оттѣснили его на задній планъ. Они создавали новые напѣвы и приемы общенія съ духами, устанавливали звуки каждого сверхъестественнаго, голоса, каждый новый порывъ бѣснованія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что эти одаренные шаманы тотчасъ

же явились объектомъ подражанія, во время семейныхъ праздниковъ, для всей молодежи, живущей вблизи. Тѣ напѣвы, которые поются теперь на праздникахъ, часто заимствованные напѣвы. Это ведетъ даже къ распрямъ и столкновеніямъ, ибо шаманы довольно ревниво относятся къ своимъ напѣвамъ и протестуютъ противъ подражанія.

Женщина въ шаманствѣ.

Въ шаманствѣ семейномъ женщина пользуется равноправіемъ и даже какъ будто предпочтеніемъ передъ мужчиной.

У оленныхъ чукочъ женщина является хранителемъ семейнаго очага и всей домашней святыни, а въ томъ числѣ и бубна. Она выноситъ наружу и разставляетъ въ должномъ порядкѣ во время празднествъ и жертвоприношеній домашнихъ идоловъ и связки амулетовъ. Она слѣдовательно является болѣе свѣдущей по части ритуала. То же самое имѣетъ мѣсто среди приморскихъ чукочъ и азіатскихъ эскимосовъ. Старый эскимосъ въ поселкѣ Uñi'sak на мысѣ Чаплина говорилъ мнѣ по этому поводу: „Ошибочно думать, что женщина слабѣе мужчинъ даже для охоты. Дамашнія чары сильнѣе тѣхъ, которыя сотворяются въ пустынѣ. Напрасно мужчины ходятъ кругомъ, отыскивая добычу. Но тѣ, которыя сидятъ дома у лампы съ жиромъ, онѣ дѣйствительно сильны, ибо онѣ умѣютъ привлекать добычу къ берегу“¹⁾.

Среди многочисленной коллекціи туземныхъ рисунковъ религіознаго содержанія, собранныхъ мною среди чукочъ, есть одинъ, который представляетъ женщину, хозяйку дома, сидящую во внутреннемъ отдѣленіи шатра и чарами привлекающую морскую добычу къ берегу. Стадо моржей и тюленей плыветъ къ землѣ изъ открытаго моря. Охотники залегли на берегу съ копьями въ рукахъ и поджидаютъ добычу.

Правда, на семейныхъ празднествахъ въ настоящее время ударять въ бубенъ начинаетъ мужчина, хозяинъ дома, а женщина пляшетъ. Послѣ того они мѣняются ролью. Однако, и теперь во время охотничьей тризны главная роль принадлежитъ женщинамъ. Именно, онѣ стараются изображать явившихся духовъ и также животныхъ, убитыхъ и готовыхъ воскреснуть.

¹⁾ Богоразъ, Чукчи. Часть II, стр. 359.

Однако, въ шаманствѣ индивидуальномъ, которое развилось позже, мужчина уже выступаетъ на первый планъ и оттѣсняетъ женщину. Соотвѣтственно этому чукчи считаютъ, что даръ индивидуальнаго шаманства чаще замѣчается у женщинъ, но женское шаманство достигаетъ низшей силы, и самые могущественные шаманы бываютъ среди мужчинъ. Въ видѣ причины указывается на то, что рожденіе дѣтей дѣйствуетъ разрушительно на шаманское вдохновеніе, и молодая шаманка послѣ рожденія перваго ребенка теряетъ значительную часть своей силы и можетъ вернуть ее только черезъ долгое время послѣ окончанія періода материнства. Это мнѣніе основано, быть можетъ, помимо соціологическихъ поводовъ, также и на фізіологическихъ данныхъ. Въ связи съ этимъ низшимъ качествомъ женскаго индивидуальнаго шаманства, подготовительный искусь у женщинъ короче и проще, чѣмъ у мужчинъ. „Женщина отъ природы шаманка, ей нечего готовиться“ — говорили мнѣ въ объясненіе чукотскіе шаманы.

Далѣе, всѣ матеріальные предметы, связанные съ родами людей или животныхъ, считаются дѣйствующими губительно на шаманскую силу даже у мужчинъ. Если взять нѣсколько стеблей травы, служившей подстилкой родильницѣ и потереть ею голову молодого шамана подростка, находящагося въ періодѣ искуса, онъ немедленно „вернется“ (къ обычной жизни). Вышеупомянутая Телрипе жаловалась мнѣ, что ея свекровь, желая разрушить ея шаманскую силу, напоила ее послѣродовою жидкостью суки. Точно такъ же другой шаманъ Когáwge, желая отдѣлаться отъ непосильной ноши шаманства, натиралъ себѣ лобъ той же жидкостью ¹⁾).

Именно такъ нужно понимать сообщенія В. Іохельсона относительно коряковъ, несмотря на ихъ нѣкоторое внѣшнее противорѣчіе, на которое впрочемъ указываетъ самъ г. Іохельсонъ.

Съ одной стороны, шаманки считаются могущественнѣе шамановъ. Съ другой стороны, рожденіе ребенка разрушаетъ женскую шаманскую силу. Во время мѣсячныхъ очищеній женщина не должна прикасаться къ бубну. Миѣическій Тритонъ, желая разрушить шаманскую силу Эмемкута, превращаетъ его въ женщину и заставляетъ рѣдить ребенка ²⁾ и т. д.

Точно такой же смыслъ имѣютъ сообщенія Трощанскаго отно-

¹⁾ Богоразъ, Чукчи, II, Религія стр. 415.

²⁾ Іохельсонъ. Коряки, I стр. 53.

сительно якутовъ¹⁾:—Женщины болѣе склонны къ неврозамъ, онѣ первыя должны были начать шаманить. Черные шаманы ведутъ начало отъ шаманокъ.

Далѣе слѣдуетъ рядъ весьма любопытныхъ указаній. Шаманы расчесываютъ волосы по-женски и заплетаютъ ихъ въ косы, какъ женщины, а передъ камланіемъ распускаютъ. У колымскихъ якутовъ шаманъ въ маловажныхъ случаяхъ беретъ у дѣвушки верхнюю одежду изъ жеребьячьей шкуры и въ ней шаманить. Но женщины замужнія такую одежду не носятъ. Также женщина и шаманъ не имѣютъ права ложиться на правую сторону конской шкуры, ибо по ней бьютъ коня.

Между прочимъ, волосы, заплетенные въ косы и причесанные по-женски, носятъ шаманы у различныхъ племенъ. Такой же характеръ имѣетъ извѣстнее сообщеніе Крашенинникова, что у камчадаловъ всѣ женщины старухи склонны къ шаманству, и также то, что онъ рассказываетъ о коекчучахъ, мужчинахъ превращеннаго пола.

У чукочъ „превращенные мужчины“, доведя подражаніе женской природѣ до крайняго предѣла, становятся самыми сильными шаманами.

Всѣ эти противорѣчивыя и странныя явленія имѣютъ одно и то же объясненіе: На степени семейнаго шаманства женщина, какъ хранительница семейныхъ святынь, имѣетъ преимущество передъ мужчиной. Семейное шаманство проще, и потому женщина, при большей склонности къ неврозу, легче склоняется къ шаманству. Это указано въ выше приведенной чукотской сентенціи: „Женщина—готовая шаманка“.

Въ шаманствѣ индивидуальномъ мужчина быстро отбѣсняетъ женщину назадъ. Но въ то же самое время онъ принимаетъ на себя различныя атрибуты женскихъ свойствъ, внѣшніе признаки болѣе ранняго шаманства. Это явленіе того же порядка, какъ и извѣстная „кувада“.

Подготовительный періодъ.

Шаманское призваніе у чукочъ, какъ и у разныхъ другихъ племенъ, обнаруживается рано, чаще всего во время критическаго

¹⁾ Черная Вѣра, стр. 119.

перехода отъ отрочества къ юности. Извѣстно, что это—періодъ быстрого и сильнаго роста, повышенной чувствительности, а часто также и духовной неуравновѣшенности.

Чукчи утверждаютъ, что мальчика, обреченнаго шаманскому вдохновенію, можно узнать даже въ ранней юности по взгляду, который въ разговорѣ направляется, помимо лица слушателя, куда то въ пространство, какъ будто-видитъ что-то незримое для другихъ. Въ связи съ этимъ, чукчи называютъ глаза шамановъ „свѣтлыми“ *nikégaqen*, что будто бы даетъ имъ способность видѣть духовъ даже въ темнотѣ. Взглядъ шамана дѣйствительно отличается особымъ выраженіемъ, смѣсью лукавства и дикаго смятенія. И мнѣ часто удавалось узнавать шамана среди другихъ соплеменниковъ съ перваго взгляда.

Шаманскій зовъ.

Шаманское призваніе обнаруживается различными путями. Чаще всего, это внутренній голосъ, который приказываетъ обреченному вступить въ общеніе съ духами. Если „обреченный“ медлитъ, зовущій голосъ принимаетъ матеріальную форму. Онъ является въ видѣ камня странной формы, найденнаго на дорогѣ, цвѣтнаго пера птицы, пролетѣвшей мимо. Но въ этомъ внѣшнемъ и случайномъ фактѣ содержится тотъ же призывъ. Зовущій духъ является также и въ болѣе явственной формѣ, особенно лицамъ зрѣлаго возраста.

Такъ, чукча *Aiñanwát* рассказывалъ мнѣ, что призывающій духъ являлся къ нему послѣ тяжелой болѣзни, во время которой онъ потерялъ семью и близкихъ. Сперва являлись духи бѣглые, проходившіе мимо. Потомъ черезъ нѣсколько дней являлся зовущій духъ. Онъ былъ черный, худощавый и называлъ себя духомъ оленьей чесотки. *Aiñanwát* почувствовалъ тотчасъ влеченіе къ этому духу, обнялъ его и просилъ остаться вмѣстѣ съ нимъ. Духъ сперва колебался, но потомъ отказался не безъ смущенія. Послѣ того онъ сказалъ: „Я могъ бы согласиться. Но если твое желаніе моего общества достаточно сильно, ты долженъ взять бубенъ и шаманить три дня и три ночи. Тогда сдѣлаешься шаманомъ“. *Aiñanwát* отказался въ свою очередь. Тогда духъ немедленно скрылся. Юноши и подростки по большей части принимаютъ

зовъ весьма неохотно, особенно если онъ заключаетъ въ себѣ также повелѣніе измѣнить образъ жизни, принять на себя какія-нибудь внѣшніе знаки и т. п. Они не рѣшаются взяться за бубень, оставляютъ шаманскіе амулеты среди поля, прячутся, убѣгаютъ въ лѣса и на чужія стойбища.

Родители обреченныхъ вдохновенію чувствуютъ и дѣйствуютъ двояко. Въ семьяхъ малочисленныхъ они относятся къ „призыву“ враждебно и пытаются удержать ребенка среди обыденной жизни хитростью и силой. Особенно оберегаютъ отъ шаманскаго призванія единственныхъ дѣтей. Въ сказкахъ и легендахъ тестъ часто гордится шаманскимъ искусствомъ молодого зятя и подвергаетъ его испытаніямъ. Отецъ почти всегда относится къ шаманскому вдохновенію единственнаго сына отчужденно и враждебно. Впрочемъ, противиться призыву опасно, а удержать призываемаго трудно. Юноша, „обреченный призыву“, долженъ повиноваться, иначе онъ захвораетъ и умретъ. Въ случаѣ помѣхи отъ родныхъ, обреченный уходитъ изъ дома, иногда въ дикую пустыню за сотню верстъ по указанію духовъ.

Семьи многолюдныя и сильныя, богатыя стадами, живущія въ многихъ шатрахъ, относятся „къ зову“ иначе. Онѣ не такъ боятся потерять одного юношу изъ своего состава. Ихъ, напротивъ, соблазняетъ мысль пріобрѣсти собственнаго шамана, будущаго заступника за счастье и имущество семьи передъ враждебными духами.

Шаманскій искусъ.

Подготовительный періодъ длится долго и болѣзненно. „Зовъ“ приходитъ внезапно въ неясной формѣ и прежде всего рождаетъ въ юной душѣ смятеніе, страхъ, неувѣренность въ своихъ силахъ. Такъ было со всѣми духовидцами со временъ Моисея.

Эта боязливость, „застѣнчивость“ *ñirkilátirgin*, какъ называютъ ее чукчи, сохраняется долго. Молодой шаманъ по имени *Teiñet* рассказывалъ мнѣ, что онъ оставался „застѣнчивъ“ долгіе годы, уже будучи шаманомъ. Въ дни празднествъ и жертвоприношеній онъ убѣгалъ со стойбища и прятался въ лѣсу, но родственники ловили его и насильно приводили въ шатеръ, чтобы показать собравшимся гостямъ его новопріобрѣтенное искусство.

Почти помимо сознанія и противъ воли все существо молодого избранника подвергается странному, болѣзненному превращенію.

Этотъ періодъ длится мѣсяцы и даже годы. Юноша нововдхновенный (tur-sñēñilin) теряетъ интересъ къ обыденной жизни. Онъ отстраняется отъ всякаго дѣла, ѣстъ мало и безъ всякой охоты, ни съ кѣмъ не разговариваетъ и даже не отвѣчаетъ на вопросы. Большую часть своего времени онъ проводитъ во снѣ. Одни остаются во внутреннемъ помѣщеніи и почти не выходятъ наружу. Другіе, напротивъ, уходятъ въ пустыню подъ предлогомъ охоты или заботы о стадѣ. За ними приходится постоянно наблюдать, ибо юный странникъ часто ложится прямо на снѣгъ и впадаетъ въ сонъ, спитъ сутки или двое, иногда подъ сугробомъ снѣга, нанесеннаго метелью. Потомъ просыпается безъ всякаго сознанія о минувшемъ времени.

Разсказы объ этой сонливости молодыхъ шамановъ, конечно преувеличены. Я, однако, имѣлъ случай убѣдиться, что чукчи, какъ и многіе другіе инородцы, подъ дѣйствіемъ болѣзни или тяжелаго горя, заползаютъ въ какой-нибудь уголъ, какъ больные звѣри, и впадаютъ въ сонъ или, вѣрнѣе, въ оцѣпенѣніе. Во время повѣтрія инфлюэнцы на устьѣ рѣки Анадыра, одинъ изъ знакомыхъ мнѣ чукочъ, Rikéwgi захворалъ вмѣстѣ съ женою. Женищина умерла, но Rikéwgi впалъ въ сонливость, спалъ два мѣсяца почти сплошь, съ самыми короткими перерывами для пищи и питья, и то не ежедневно, и въ концѣ концовъ отоспался и выздоровѣлъ.

Весь этотъ процессъ для молодого шамана до чрезвычайности болѣзненъ. Иные доходятъ до нервныхъ припадковъ, до эпилепсіи и до кроваваго пота. (Кстати сказать, чукотскіе шаманы легко поддаются кровотеченію изъ носа, что мнѣ случалось неоднократно видѣть). Все это считается наказаніемъ со стороны духовъ за сопротивленіе и медлительность.

Людамъ зрѣлаго возраста шаманскій зовъ является въ минуту тяжелаго бѣдствія, болѣзни, потери имущества, физической опасности. Въ такомъ положеніи пострадавшій видитъ единственную надежду въ помощи духовъ. Безъ нихъ счастливый исходъ или избавленіе считается невозможнымъ. Съ другой стороны, человѣкъ, выдержавшій благополучно какое-нибудь необычайное испытаніе, уже считается какъ бы человѣкомъ со сверхъестественными

свойствами, пригоднымъ для шаманства, и считаетъ себя какъ бы обязаннымъ вступить съ духами въ болѣе тѣсныя сношенія. Я могъ бы рассказать рядъ случаевъ изъ чукотской жизни относящихся сюда. Напомню примѣръ съ Aĩpanwát'омъ, рассказанный выше. Aĩpanwát былъ уже слишкомъ старъ, чтобы стать шаманомъ. Съ другой стороны, даже подростки послѣ тяжелой болѣзни становятся шаманами неожиданно, почти безъ искуса. Такъ, въ извѣстной чукотской сказкѣ о Чесоточномъ Шаманѣ малышъ Rĩnteu, украденный духами отъ родителей и возвращенный послѣ немовѣрныхъ усилій Чесоточнымъ Шаманомъ, послѣ выздоровленія тотчасъ же становится „проказливымъ шаманомъ“ худшаго сорта. Отецъ, который раньше три года плакалъ о его смерти, пока слезы не проѣли ему щеку до самыхъ костей, теперь, наоборотъ, вмѣстѣ съ родомъ своимъ рѣшаетъ погубить Rĩnteu, какъ злого человѣка, хотя это имъ и не удастся. Между прочимъ, такія рѣшенія и домашнія расправы съ вредными, злыми людьми въ нравахъ чукочъ и имѣютъ мѣсто до сихъ поръ.

Чукчи разсматриваютъ подготовительный искусъ, какъ болѣзнь, а окончательное пріобрѣтеніе шаманскаго вдохновенія, — какъ выздоровленіе. Созрѣвшее вдохновеніе, окончательно принятое, обнаруживается въ шаманскихъ упражненіяхъ пѣніемъ, стукомъ въ бубень, что длится изо дня въ день цѣлыми часами, пока не придутъ настоящіе духи и не заговорятъ изъ устъ „вдохновенныхъ“. Въ послѣдующее время каждое приготовленіе шамана къ магическому сеансу разсматривается тоже, какъ болѣзнь, а самый сеансъ съ его громомъ и крикомъ — какъ выздоровленіе. И я неоднократно наблюдалъ съ удивленіемъ, что шаманъ или шаманка, послѣ долгихъ и трудныхъ упражненій проявляли не усталость, а именно спокойствіе, какъ бы удовлетвореніе. Съ другой стороны, мнѣ извѣстны случаи, когда юноши, страдавшіе долговременной болѣзью (большей частью на нервной почвѣ), находили себѣ излѣченіе именно въ шаманскомъ вдохновеніи.

Чукчи и чукчанки, не хуже русскихъ женщинъ, о которыхъ я упоминалъ, лѣчатъ пѣніемъ и бубномъ отъ каждой болѣзни и даже отъ каждаго горя. Я помню одну остановку зимой на дорогѣ въ одинокомъ шатрѣ. Спальное помѣщеніе было тѣсно, какъ ящикъ. Единственный сынъ хозяина, мальчикъ лѣтъ 8-ми, былъ боленъ. Насъ поэтому едва впустили внутрь, ибо мы могли при-

вести съ собою за плечами изъ тундры еще другихъ духовъ, невѣдомыхъ и жадныхъ. Послѣ ужина мальчикъ сказалъ отцу, жалобно и ворчливо. „Худо мнѣ. Постучи немного въ бубень, чтобы мнѣ сдѣлалось легче“.

Подготовительный періодъ шаманскаго вдохновенія обозначается у чукчей особымъ терминомъ, глагольнымъ по духу языка *tewiŭ-nirkin*: „онъ пріобрѣтаетъ шаманское вдохновеніе“.

Я говорилъ раньше о крайней податливости шамановъ къ смерти, особенно въ подготовительномъ періодѣ. Она сохраняется и въ дальнѣйшее время. Малѣйшее несоотвѣтствіе, дисгармонія между шаманомъ и таинственнымъ зовомъ его духовъ кончается для него гибелью. Это выражается въ сообщеніи чукчей, что шаманскіе духи весьма злобны и наказываютъ смертью малѣйшее неповиновеніе. За то, съ другой стороны, шаманъ, послушно исполняющій велѣнія духовъ, пользуется ихъ безусловной защитой. О такомъ шаманѣ говорятъ, что онъ „неуступчивъ смерти“, „неподатливъ убійству“, даже побѣжденный врагами. Я записалъ серію трагическихъ разсказовъ, частью сказочныхъ, частью бытовыхъ, о томъ, какъ убійцы, захвативъ жертву, никакъ не могли умертвить ее до конца, ибо жертва оказывалась шаманомъ. Они перерѣзывали ей поджилки на ногахъ, выкалывали глаза, распарывали брюхо и въ концѣ концовъ должны были разрѣзать тѣло ея на куски, или сжечь въ огнѣ.

Подготовительный періодъ шаманства у другихъ племенъ.

Мы имѣемъ свѣдѣнія о подготовительномъ періодѣ шаманства у цѣлаго ряда племенъ, поразительно сходныя съ тѣмъ, что разсказали о чукчахъ. Напримѣръ, у забайкальскихъ тунгусовъ юноша прежде, чѣмъ сдѣлаться шаманомъ, показываетъ себя помѣшаннымъ въ умѣ и боязливымъ ¹⁾.

У бурятъ, по словамъ Агапитова и Хангалова, ²⁾ назначенный въ шаманы съ годами пріобрѣтаетъ особое настроеніе, онъ часто приходитъ въ экстазъ, видитъ будто бы духовъ, сновидѣнія слу-

¹⁾ В. М. Михайловскій. Шаманство, ч. I. стр. 57.

²⁾ Матеріалы по изученію шаманства въ Сибири. Изв. Вост. Сиб. отд. И. Р. Г. О. томъ XIV, № 1—2, стр. 45.

чаются чаще, чаще становятся обмороки. Молодой человѣкъ удаляется въ лѣсъ, въ горы и тамъ у разведеннаго костра начинаетъ шаманить, призывать боговъ громкимъ, неестественнымъ голосомъ.

У якутовъ, по словамъ Сѣрошевскаго, ¹⁾ шаманъ Тюсипють девять лѣтъ скрывалъ свой даръ и перемогался, опасаясь, что люди не повѣрятъ ему и станутъ надъ нимъ смѣяться. Онъ дошелъ до того, что чуть не умеръ и получилъ облегченіе, когда сталъ камлать. Теперь хвораеть, когда не шаманить долго.

Тоже самое и точно такими же словами говорилъ мнѣ чукотскій шаманъ Irgitki-ñe („Когтистая Баба“,—опять женское имя, принятое мужскимъ шаманомъ):—„Хвораю, если долго не шаманю“.

По словамъ Л. Штернберга, у гиляковъ талантъ шамана—не даръ, а бремя. Обращеніе въ шамана составляетъ переломъ, сопровождающійся страшными психическими явленіями. Одинъ знакомый шаманъ рассказывалъ Штернбергу, что передъ тѣмъ, какъ сдѣлаться шаманомъ, онъ болѣлъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, лежалъ пластомъ въ полномъ безпамятствѣ.—„Я умеръ бы,—сказалъ онъ,—если бы не сталъ шаманомъ“. За эти мѣсяцы испытаній онъ высохъ, какъ палка. Спалъ долго. Когда проснулся, потребовалъ бубень, сталъ пѣть. Чувствовалъ себя не то пьянымъ, не то мертвымъ. Тогда впервые онъ увидѣлъ духовъ.

Другой случай, описанный Штернбергомъ,—слѣдующій. У него гостилъ гиляцкій мальчикъ лѣтъ 12, сынъ шамана, по имени Койныть. Послѣ обѣда онъ заснулъ и, нечаянно разбуженный, началъ неистово метаться и кричать, повторяя всѣ неистовства и изступленные крики шамановъ. Когда припадокъ кончился, лицо его было страшно истомлено. Во снѣ ему явились два *кеки* (духа), мужчина и женщина. Эго были духи его отца. Они сказали ему: „Мы прежде играли съ твоимъ отцомъ, теперь давай съ тобой“. Другой гиляцкій мальчикъ Индынъ съ глубокимъ изумленіемъ наблюдалъ проявленія припадка. Потомъ сказалъ. „Ну, теперь Койныть человѣкомъ не будетъ. *Кеки* хочеть заставить его держать свой законъ“ ²⁾.

Точно такъ же у лопарей рассказывается, какъ трое красивыхъ

¹⁾ Сибирскій Сборникъ, 1890, стр. 141.

²⁾ Л. Штернбергъ, Гиляки, стр. 74.

юношей (духовъ) приходили въ жилище одной пожилой четы играть съ ея троими сыновьями. Духи желали сдѣлать ихъ колдунами. Тогда родители испугались и переселились на другую сторону большого озера. Юноши больше не показывались, но трое мальчиковъ въ скоромъ времени умерли ¹⁾.

У алтайскихъ татаръ, по сообщенію В. В. Радлова, ²⁾ будущій шаманъ не получаетъ отъ отца (тоже шамана) ни обученія, и никакихъ указаній, и не готовится къ своему призванію. Шаманская сила сходитъ на него внезапно, какъ болѣзнь. Онъ впадаетъ въ оцѣпенѣніе. Тѣло его напрягается и дрожитъ. Онъ испускаетъ нечленораздѣльные крики, трясется, вращаетъ глазами, вскакиваетъ и кружится и падаетъ снова, покрытый потомъ и въ эпилептическихъ конвульсіяхъ. Онъ хватаетъ раскаленное желѣзо, иглы, ножи, топоры, и глотаетъ безъ всякаго видимаго вреда. Потомъ черезъ нѣсколько времени все извергаетъ обратно. Страданія его растутъ, пока онъ не возьмется за бубенъ и не станетъ шаманить. Онъ долженъ шаманить. Если же онъ противится и отказывается, онъ подвергается ужаснымъ мукамъ и вскорѣ или теряетъ рассудокъ и становится слабоумнымъ, или впадаетъ въ дикое бѣшенство и умираетъ въ припадкѣ, или самъ себя лишаетъ жизни.

Потеря шаманскаго вдохновенія.

Въ противоположность вышесказанному у чукочъ и у другихъ народовъ, шаманъ болѣе зрѣлаго возраста, послѣ многихъ лѣтъ шаманскаго призванія, можетъ невозбранно отказаться отъ своего вдохновенія и снова сдѣлаться обыкновеннымъ человѣкомъ. Это не возбуждаетъ гнѣва духовъ. Я встрѣтилъ цѣлый рядъ людей пожилыхъ, которые успѣли отказаться отъ шаманскаго вдохновенія или, по крайней мѣрѣ, отъ его большей части. Одни выставляли, какъ причину, болѣзнь, другіе—наступающую старость или просто ослабленіе силы. Одинъ сказалъ, что онъ и его духи надоѣли другъ другу и разстались. Во многихъ случаяхъ это было просто выздоровленіе. Съ другой стороны, считается, что шаманы чревовѣщатели и фокусники) что обыкновенно связано

¹⁾ Михайловскій. Шаманство, I, стр. 101.

²⁾ Aus Sibirien, II, 17.

еще съ такъ называемымъ „проказливымъ шаманствомъ“) должны быть люди только въ цвѣтѣ силъ, и такіе шаманы, старѣясь, вообще отказываются отъ прежнихъ подвиговъ и переходятъ къ другимъ проявленіямъ силы, болѣе мирнаго рода.

Точно также, по словамъ Трощанскаго,¹⁾ у якутовъ желающій можетъ перестать быть шаманомъ. При этомъ другой шаманъ долженъ снять съ него главный шаманскій знакъ *амăгāt*, изображеніе человѣка.

Типичная психика.

Въ зрѣломъ возрастѣ шаманы продолжаютъ сохранять крайнюю степень нервной возбудимости, которая часто соединяется съ злостью, строптивостью и буйствомъ.

Упомянутый выше шаманъ, „Когтистая Баба“, не могъ даже посидѣть на мѣстѣ. Онъ все вскакивалъ и размахивалъ руками. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ съ жалобой на колотье въ спинѣ. Я попробовалъ приложить ему горчичникъ. Онъ немедленно поднялъ такой крикъ и вой относительно русскаго огня, что мнѣ пришлось убрать горчичникъ. „Когтистая Баба“ ссорился и дрался съ сосѣдями по большей части неудачно. Особенно невыносимъ онъ былъ подъ малѣйшимъ вліяніемъ алкоголя. Впрочемъ, онъ имѣлъ мужество однажды отказаться отъ предложеннаго стакана спирта, случай среди чукчъ небывалый и неслыханный. Онъ былъ „застѣнчивъ“ до дикости, пугливъ, какъ звѣрь. Мнѣ стоило большого труда убѣдить его провести въ моей избѣ нѣсколько ночныхъ часовъ для шаманскаго сеанса безъ свидѣтеля.—„А что если бы недѣлю прожить здѣсь?“—спросилъ я полушутя. — „Я убилъ бы себя“,—убѣжденно сказалъ шаманъ.

Однако, во время сеанса онъ обнаружилъ почти дьявольское лукавство. Въ заключеніе мы поймали его на кражѣ бѣлья, развѣшеннаго для просушки. Въ отвѣтахъ на вопросы и предсказанія этотъ дикій кудесникъ проявилъ мудрость и осторожность, краткость и темноту, достойную дельфійскаго оракула. Такъ, когда помощникъ Анадырскаго начальника спросилъ о томъ, упадетъ ли выигрышъ на его билетъ второго внутренняго займа, шаманъ долго расспрашивалъ, что такое билетъ и что такое заемъ, и въ

¹⁾ Черная Вѣра, стр. 147.

концѣ концовъ сказалъ, что онъ видитъ, какъ основа богатства того, кто спрашиваетъ, заложенная въ его собственной странѣ, стремится къ расширенію. Казаку, который спрашивалъ, привезетъ ли ему почтовый пароходъ (приходящій однажды въ годъ) желанный отпускъ на родину въ Камчатку,—онъ отвѣтилъ: „Большое судно приноситъ радость всему народу въѣздой въ странѣ“.

Шаманъ „Когтистая Баба“—фигура типичная, я поэтому не стану рассказывать о другихъ.

Шаманское обученіе.

Изъ того, что рассказано выше, видно, что чукотскіе избранники проходятъ испытательный періодъ безъ помощи и руководства болѣе старыхъ шамановъ. Они встрѣчаются съ духами сами, лицомъ къ лицу и въ послѣдующее время постоянно ссылаются на авторитетъ духовъ: „Духи сказали, духи научили“.

Точно также, напримѣръ, у бурятъ, душа шамана пребываетъ въ обученіи у духовъ въ дворцахъ боговъ, а не у земныхъ людей ¹⁾.

У самоѣдовъ, по словамъ Кастрена, хотя обученіе молодыхъ шамановъ старыми имѣетъ мѣсто, но оно не имѣетъ особаго значенія, и никто не могъ объяснить, въ чемъ именно оно заключается ²⁾.

Среди чукочъ я съ трудомъ могъ прослѣдить даже простую шаманскую преемственность отъ отца къ сыну или отъ старшаго брата къ младшему (чаще отъ мужа къ женѣ). У азіатскихъ эскимосовъ есть шаманскія семьи, въ которыхъ каждое поколѣніе даетъ извѣстнаго шамана.

Странно, однако, думать, что и чревовѣщанію и разнообразнымъ фокусамъ каждый чукотскій шаманъ научается заново. Напротивъ, даже существуютъ опредѣленные правила и приемы насчетъ передачи заклинаній и волшебной силы отъ шамана къ шаману. Дающій обыкновенно теряетъ силу, поскольку отдаетъ ее, и становится слабѣе; оттого такіа передачи случаются обыкновенно только передъ смертью. Дающій долженъ вдунуть свою силу вмѣстѣ съ дыханіемъ въ глаза или въ ротъ принимающему. Или же

¹⁾ Михайловскій, Шаманство, стр. 75.

²⁾ Михайловскій, Шаманство, стр. 104.

онъ можетъ ударить себя ножомъ и тотчасъ же вонзить этотъ самый ножъ, еще дымящійся отъ его собственной жизненной силы (tetkéuñ), въ тѣло младшаго шамана, принимающаго силу. Мы встрѣтимся съ этимъ шаманскимъ приѣмомъ при описаніи шаманской хирургіи.

Категоріи шамановъ.

Чукчи раздѣляютъ своихъ шамановъ на три большія категоріи:

1) *Шаманы духовидцы* (kelétkulit). Это тѣ, которые имѣютъ постоянное общеніе съ духами, говорятъ ихъ голосами прямо и чревовѣщательно, дѣлаютъ различные фокусы въ темнотѣ и при свѣтѣ, однимъ словомъ представляютъ зрительную, театральную сторону шаманства. Къ нѣкоторому моему удивленію, такіе шаманы не внушаютъ окружающимъ особаго почтенія, разумѣется, если при этомъ они не являются также „проказливыми шаманами“.

2) *Шаманы предвѣщатели* (getalátilit), которые занимаются предвѣщаніями будущаго при помощи гаданія различными предметами, но часто также только при помощи „внутренняго голоса“. Иные изъ нихъ даже не заявляютъ никакихъ притязаній на общеніе съ духами и только передъ каждымъ предсказаніемъ, внимательно разспросивъ обстоятельства дѣла, на минуту сосредоточиваются въ себѣ. Часто именно такіе простые предсказатели пользуются наивысшимъ уваженіемъ сосѣдей.

3) *Шаманы заклинатели* (ewgáovitkolit). Они занимаются заклинаніями и чарами, которыя сложны у чукочъ, также магической медициной и хирургіей. Само собою разумѣется, что это раздѣленіе не очень рѣзко, и нерѣдко всѣ три категоріи шаманства сосредоточиваются въ одномъ лицѣ.

Черные и бѣлые шаманы.

Съ другой стороны, то раздѣленіе на бѣлыхъ и черныхъ шамановъ, на которое многіе изслѣдователи указываютъ, какъ на самое существенное въ шаманствѣ¹⁾, у чукочъ проведено также не рѣз-

1) Троцанскій, напримѣръ, считаетъ двойственность олицетворенія творческой силы природы существенной особенностью и фундаментомъ шаманства. Онъ подчеркиваетъ полнѣйшее сходство върованъ якутовъ съ въро-

ко. Чукчи много говорятъ о „проказливыхъ шаманахъ“, которые склонны злоупотреблять своимъ могуществомъ то въ шутливую, то въ гибельную сторону. Чукотская легенда наполнена рассказами о такихъ шаманахъ и объ ихъ многообразныхъ продѣлкахъ и также о воздѣйствіи сосѣдей, которое въ концѣ концовъ вызываетъ месть со стороны шамана. Въ дѣйствительной жизни я встрѣчалъ шамановъ, избитыхъ и израненныхъ сосѣдями не столько за проказы, сколько за буйный характеръ. Разъ или два наткнулся также на случаи убійства шамановъ за предполагаемый вредъ, который они нанесли людямъ. Такъ, на Анюйской ярмаркѣ 1896 г. оленеводъ чаіво застрѣлилъ изъ ружья приморскаго чукчу Róti-
len, обвиняя его въ томъ, что онъ колдовскими средствами въ минувшее лѣто погубилъ его сына.

Что же касается шамановъ благожелательныхъ (teñ-chimnulit), о нихъ говорятъ меньше, хотя, конечно, вся практика магической медицины и гаданія имѣетъ благожелательный характеръ. И между заклинаніями благожелательныя тоже различаются отъ зложелательныхъ и направленныхъ къ порчѣ. Такъ, вышеупомянутая шаманка Tépriñe въ одномъ изъ своихъ рассказовъ, записанныхъ мною подъ ея диктовку, говоритъ сама о себѣ въ третьемъ лицѣ: „Старухи на ея пути, незримыя для другихъ, приходятъ съ чарами и предлагаютъ ей. Она въ сновидѣніяхъ видитъ качество этихъ чаръ. Иныя она отвергаетъ, говоря: „эти злонамѣренныя“. Другія, которыя благодѣтельны, она принимаетъ къ себѣ“.

Однако, раздѣленіе на „проказливыхъ“ и благожелательныхъ шамановъ все же не соотвѣтствуетъ дѣленію на „бѣлыхъ“ и „черныхъ“ шамановъ, ибо чукотскіе шаманы всѣхъ категорій имѣютъ дѣло съ духами одного порядка, враждебными kélet, и почти не сообщаются съ высшими благодѣтельными существами váirgit, о которыхъ чукчи вообще имѣютъ довольно смутное представленіе. Только на одномъ рисункѣ, изъ числа тѣхъ, о которыхъ я уже упоминалъ, доброе и злое шаманство изображено рядомъ, какъ

ваніями іездовъ (Черная вѣра, стр. 148). Характерная дуалистическая легенда о сотвореніи міра и человека Богомъ и Сатаной извѣстна и на крайнемъ сѣверѣ среди чукочъ и другихъ инородцевъ. Но, по моему, это—легенда захожая, такая же бродячая, какъ, напримѣръ, и другая, не менѣе извѣстная легенда о коровьей шкурѣ, разрѣзанной на узкіе ремни для обмѣта земли.

двѣ одежды, черная и красная, предложенныя божествомъ на выборъ человѣку.

Въ одномъ изъ выморочныхъ юкагирскихъ поселковъ на рѣкѣ Омолонѣ, о которыхъ я также упоминалъ, я нашелъ въ числѣ прочаго имущества шаманскую заклинательную дощечку, которая гораздо ближе подходитъ къ раздѣленію бѣлаго и чернаго шаманства. Дощечка раздѣлена пополамъ по лицевой сторонѣ. Лѣвая половина окрашена въ черное, а правая въ красное. На черной, ночной половинѣ вырѣзаны контуры мамонта, лошади и собаки. У мамонта стоитъ на спинѣ стройная фигура, по объясненію свѣдущихъ лицъ, чудовище съ желѣзными зубами, которое играетъ видную роль въ легендахъ юкагирскихъ и коряцкихъ. На красной, дневной половинѣ вырѣзаны разныя деревья, птицы и звѣри, и человѣческая фигура верхомъ на оленѣ. Здѣсь, очевидно, противоположность не только двухъ шаманскихъ категорій, но также двухъ культуръ, одной оленной, должно быть юкагирской или тунгусской, красной, благодѣтельной, дневной, и другой пришлою, конной и собачьей, быть можетъ якутской, ибо якутская народная стихія доходила до рѣкъ Омолона и Большого Анюя. Эта чужая стихія, во всякомъ случаѣ, представлена ночью и темной. Между прочимъ, изображеніе мамонта на этой дощечкѣ есть единственное извѣстное мнѣ, принадлежащее инородцамъ и претендующее на нѣкоторую древность. Я подарилъ эту дощечку Музею А. и Э. при И. А. Н. въ Спб., въ 1899 году, но, къ сожалѣнію, она оказалась затерянной. У меня сохранилась только фотографія ея, которая и воспроизведена въ моей монографіи о Чукчах¹⁾.

Шаманскіе сеансы.

Благодаря тому, что чукотское жилище раздѣляется на двѣ половины, наружную большую и внутреннюю маленькую спальную, шаманскіе сеансы тоже бываютъ двухъ категорій: одни происходятъ въ спальномъ помѣщеніи, другіе въ наружномъ шатрѣ. Первые гораздо болѣе часты. Чукотскіе шаманы шаманятъ почти всегда ночью, послѣ ужина, въ полной темнотѣ. Спальное помѣщеніе представляетъ собою родъ сундука, прямоугольнаго, на-

¹⁾ Богоразъ. Чукчи, II, Религія, стр. 327.

глухо закрытаго, стѣнки и крыша котораго сдѣланы изъ толстаго мѣха. Размѣры его часто не превышаютъ двухъ аршинъ въ вышину, одной сажени въ ширину и двухъ саженей въ длину. Въ этомъ тѣсномъ помѣщеніи шаману отдается небольшое мѣстечко на правой хозяйской сторонѣ, а публика сбивается вмѣстѣ, лежа или сидя, и ожидаетъ въ молчаніи. Шаманъ дѣйствуетъ тоже сидя. Онъ снимаетъ мѣховую рубашку и остается голый до пояса, часто разувается и снимаетъ верхніе штаны, чтобы имѣть болѣе свободы въ движеніяхъ. Шаманка тоже, по возможности, освобождается отъ одеждъ.

У чукотскаго шамана нѣтъ помощника, по крайней мѣрѣ явнаго, такъ называемаго „посоха“, который помогаетъ, даетъ отклики, подаетъ необходимыя вещи. Конечно, многіе фокусы настолько сложны, что не могутъ производиться безъ посторонней помощи, но во время сеанса, отклики и открытую поддержку даетъ шаману кто-нибудь изъ слушателей. Время отъ времени онъ восклицаетъ въ паузахъ Gik! gic! qai'vo (правда), emñólik (именно), ge get!.... и т. д.

Въ связи съ шаманствомъ въ темнотѣ въ полураздѣтомъ видѣ, находится, быть можетъ, и то обстоятельство, что чукотскіе шаманы вообще не имѣютъ шаманскихъ плащей и кафтановъ. Только подвѣски, кисти, бахрома или другія украшенія на обыкновенной мѣховой рубахѣ, и то не у каждаго, свидѣлствуютъ о шаманскомъ призваніи. Бубень у чукочъ простой, маленькій, круглый, эскимосскаго типа, въ отличіе отъ всѣхъ сосѣднихъ племенъ. Даже близко-родственные коряки употребляютъ большой овальный бубень восточно-азіатскаго типа. Однако, чукотскіе шаманы придаютъ исключительно важное значеніе каждой подвѣскѣ и кисточкѣ. Ношеніе такой отличительной черты возлагается духами на юношу, какъ внѣшній признакъ вдохновенія, и именно противъ такого ношенія больше всего вначалѣ вооружается сердце избранника. Ибо люди увидятъ и засмѣютъ.

Шаманъ начинаетъ дѣйствіе пѣніемъ и стукомъ въ бубень. Пѣніе состоитъ изъ короткой музыкальной фразы, которая повторяется нѣсколько десятковъ разъ, потомъ замѣняется другой. Въ тѣсномъ помѣщеніи пѣніе и бубень производятъ оглушительное, одуряющее впечатлѣніе. Шаманъ пользуется бубнемъ, какъ резонаторомъ, и при помощи его старается отклонять волны зву-

ковъ вправо и влѣво. Черезъ нѣсколько времени уже исчезаетъ возможность ориентироваться въ темнотѣ, и кажется, будто голосъ шамана перемѣщается изъ угла въ уголь, снизу вверхъ и обратно. Тогда начинается чревовѣщаніе.

Чревовѣщаніе.

Юхельсонъ указалъ на существованіе чревовѣщанія у коряцкихъ шамановъ ¹⁾, Кастренъ у самоѣдскихъ ²⁾. Но чукотское чревовѣщаніе, вѣроятно, благодаря условіямъ спального помѣщенія развилось до такого совершенства, что превосходитъ умѣнье самыхъ искусныхъ европейскихъ вентрилоквистовъ. Звуки начинаются гдѣ-то далеко въ вышинѣ, постепенно приближаются, проходятъ сквозь стѣны, какъ буря уходитъ въ землю и замираютъ въ ея глубинѣ. Являются самые разнообразныя голоса, звѣринные, птичьи, мушьи. Приходитъ, на примѣръ, эхо и предлагаетъ повторить любой звукъ, справляется даже съ французскими и англійскими фразами, совершенно чужими для шамана. Хлопнешь въ ладоши, а эхо чмокнетъ, — горломъ, конечно, — но удивительно похоже и, разумѣется, какъ будто совсѣмъ другимъ голосомъ и не въ томъ углу, гдѣ сидитъ шаманъ, и все время поколачиваетъ въ бубенъ: — „Вотъ молъ я“. Мнѣ много разъ случалось слушать настоящіе *tour de force* чревовѣщанія. Шаманъ Когáwge заставлялъ свои голоса шептать мнѣ въ самое ухо, и иллюзія была такъ сильна, что я невольно хватался рукою за воздухъ.

Я сдѣлалъ попытку записать при помощи шамана „Когтистой Бабы“ шаманское чревовѣщаніе въ фонографъ. Это происходило не въ чукотскомъ помѣщеніи, а въ моемъ собственномъ жилищѣ, въ довольно просторной избѣ. Приходилось дѣйствовать разумѣется въ полной темнотѣ. Шаманъ сидитъ и барабанитъ въ углу, а духи подходили и, по моей просьбѣ, говорили прямо въ рупоръ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ вышло довольно удачно.

И на фонѣ непрерывнаго барабаннаго боя, звучащаго далеко въ углу близкіе и полные голоса духовъ выдѣляются эффектно. Цилиндры эти находятся въ Нью-Йоркѣ въ Музеѣ.

¹⁾ Юхельсонъ, Коряки, I, 49 стр.

²⁾ Castren, Reisebilder 172 стр.

Экстазъ.

Экстазъ наступаетъ у шамана, какъ результатъ продолжительнаго пѣнія и стука въ бубень. И въ сущности говоря, и общеніе съ духами и предсказаніе будущаго или магическія заклинанія, все это производится въ состояніи экстаза. Чукчи однако различаютъ еще такъ называемое *погруженіе* (глагольный терминъ *an̄n̄aarkin* „онъ погружается“). Въ этомъ состояніи тѣло шамана остается лежащимъ на шкурахъ, а душа погружается въ міръ подземный или улетаетъ въ надземный. Именно въ этомъ состояніи шаманы производятъ борьбу съ вредоносными духами, поискъ украденныхъ душъ и т. д.

Впрочемъ, въ сказкахъ шаманы погружаются подъ землю вмѣстѣ съ собственнымъ тѣломъ и даже съ бубномъ. Разумѣется, и въ дѣйствительной жизни про того и другого изъ шамановъ тоже рассказываютъ, что онъ можетъ погружаться въ землю вмѣстѣ съ тѣломъ. Я мало обращалъ вниманія на эти рассказы, пока не встрѣтился съ слѣдующимъ фактомъ. Покойный мужъ шаманки Уриѣ въ поселкѣ Ūnisak считался первымъ шаманомъ на всемъ берегу отъ мыса Чаплина до Чукотскаго мыса. Онъ умеръ за, годъ до моего пріѣзда. Сосѣди говорили объ немъ: „Уриѣ передъ нимъ, какъ малое дитя“. По ихъ единодушнымъ рассказамъ, старикъ погружался подъ землю вмѣстѣ съ бубномъ голый, уходилъ далеко и выходилъ на поверхность, потомъ приходилъ и стучался снаружи въ собственную дверь. Объ искусствѣ шаманки Уриѣ я расскажу ниже.

Въ рукописномъ дневникѣ мистера В. Ф. Доди, американскаго баптистскаго миссіонера на островѣ Святого Лаврентія, за 1898 годъ я нашелъ чрезвычайное любопытное описаніе шаманскаго сеанса, исполненнаго Assunarak'-омъ, извѣстнымъ шаманомъ и потомкомъ шамановъ съ острова Св. Лаврентія, который потомъ показывалъ и предо мной свое шаманское искусство, очень высокаго качества.

Мистеръ Доди говоритъ, что сеансъ происходилъ въ темнотѣ. Шаманъ предложилъ американцу положить ему руки на голову и эта голова стала опускаться внизъ. Мистеръ Доди приписываетъ это ловкому измѣненію позы. Я же почти готовъ допустить, что иные изъ шамановъ (конечно, только въ сидячихъ примор-

скихъ поселкахъ) вырыли подземные ходы подъ всѣми жилищами и, такимъ образомъ, дѣйствительно, опускаются внизъ и выходятъ наружу.

Духи помощники.

Шаманскіе духи, руководители и помощники шамана, имѣютъ разнообразный характеръ. Это чаще всего звѣри и птицы, волкъ и воронъ, мышъ и сова, горностаѣ, моржъ, бѣлый медвѣдь; неодушевленные предметы: кожанное ведро, котельный крюкъ, иголка; даже ночной горшокъ или калъ, тайные члены собственнаго тѣла и рядомъ съ ними фантастическая фигура, Черный Старикъ съ Носомъ, Дѣвка съ Косой, Одноглазка, Безухій. Многіе изъ нихъ склонны постукивать въ разныхъ мѣстахъ, дѣлать разныя проказы, точъ въ точъ какъ на спиритическомъ сеансѣ. Другіе болѣе серьезны, они даютъ совѣты и предписанія. Духи болѣзни и заразы, тѣ грозные духи, которыхъ чукчи называютъ „духи настоящіе“ „духи убійцы“,—не подвластны шаману и не являются на его зовъ. Однако они часто приходятъ сами собой и молча присутствуютъ при заклинаніяхъ. Духи-помощники изобличаютъ ихъ, ибо именно ихъ обязанность постоянно наблюдать за ними и помогать своему шаману вести съ ними борьбу. Хорошій шаманъ имѣетъ множество духовъ-помощниковъ, цѣлые легіоны. Въ случаѣ надобности, онъ можетъ призвать ихъ всѣхъ, окружить ими спальное помѣщеніе съ боковъ и сверху и снизу, какъ плотной стѣной, такъ, чтобы посторонняя сила не могла проникнуть даже изъ-подъ земли.

Шаманскіе фокусы.

Описывать фокусы и штуки, которые производятся при этомъ, было бы слишкомъ долго. Невидимыя руки бросаютъ полѣньями и снѣгомъ, толкаютъ васъ въ спину, скребутся снаружи, иногда съ непонятной силой приподнимаютъ на воздухъ всю оболочку спального помѣщенія, несмотря на всю трудность такого подвига. Надо помнить, что все это происходитъ въ помѣщеніи настолько тѣсномъ, что нерѣдко стоитъ только вытянуть руку, чтобы дотронуться до шамана, который барабанить въ углу. Впрочемъ, дотрогиваться до шамана строго воспрещается, подъ опасеніемъ мщенія духовъ. Духъ Заступникъ можетъ ударить дерзкаго

ножомъ въ животъ. Я пробовалъ разъ или два проникнуть въ эти тайны духовызывательнаго ремесла, но моя попытка едва не окончилась печально.

Въ наружномъ шатрѣ шаманъ исполняетъ свои дѣйствія большей частью во время семейныхъ празднествъ у того же огнища рядомъ съ другими людьми. Его голосъ звучитъ громче всѣхъ и бубенъ стучитъ неустойчиво. Здѣсь всегда довольно свѣтло, а потому спиритическія штуки не имѣютъ мѣста. Вмѣсто чревоушанія, духи входятъ въ тѣло шамана и говорятъ изъ его устъ своими голосами. Духъ, овладѣвшій тѣломъ шамана, вмѣсто понятнаго языка, бормочетъ непонятныя слова, ползаетъ по шатру и проявляетъ большую кровожадность, чаще всего ищетъ ножа, чтобы заколоться или заколоть сосѣда. Но за шаманомъ тщательно слѣдятъ и прячутъ отъ него ножи. Я былъ, впрочемъ, свидѣтелемъ нѣсколькихъ довольно-рискованныхъ выходовъ этого рода и даже получилъ однажды ударъ въ лицо, вмѣсто спрятаннаго ножа, заостренною палкой. Шрамъ отъ удара остался до сихъ поръ.

Хорошій шаманъ производитъ различные фокусы и опыты ловкости также и помимо шаманскихъ сеансовъ. Изъ большого числа видѣнныхъ мною упомяну только два. Оба были произведены шаманкой Уриѣ въ эскимосскомъ селеніи Unisak на Мысѣ Чаплина.

Первый изъ нихъ былъ опытъ съ камнями, очень похожій на тотъ, который видѣлъ Литке на Чукотскомъ носу¹⁾. Шаманка, обнаженная до пояса, сѣла передъ нами, постучала немного въ бубенъ, и потомъ знаками и выраженіемъ лица показала, что духъ вошелъ въ нее и завладѣлъ ея тѣломъ. Послѣ того она взяла большой круглый камень и стала тискать его и тереть и поворачивать въ рукахъ. Изъ камня посыпался рядъ мелкихъ камушковъ, тоже гладкихъ и круглыхъ. Это продолжалось минутъ пять. Насыпалась цѣлая горка, но камень въ рукахъ шаманки былъ, разумѣется, такой же цѣлый и круглый, какъ прежде.

Предполагая, что все это заранѣе подстроено, я неожиданно попросилъ ее повторить опытъ. Она повторила его безъ всякихъ затрудненій,—несмотря на тщательное наблюденіе, я не сумѣлъ открыть секрета этого фокуса.

¹⁾ Erman's Archiv, 1843, стр. 459.

Магическая хирургія.

Другой опытъ относится къ разрѣзыванію брюха ножомъ и составляетъ варіантъ извѣстнаго фокуса, который производится шаманами различныхъ племенъ. Уриѣ произвела его надъ собственнымъ сыномъ, мальчикомъ лѣтъ 12-ти. Для этой цѣли она положила его навзничъ, обнажила ему животъ, низко нагнулась къ животу мальчика, потомъ взяла ножъ и, пропустивъ лезвіе между собственныхъ пальцевъ по обычному шаманскому приему, сдѣлала длинный продольный разрѣзъ и тотчасъ же вставила въ его концы свои толстые пальцы. Мальчикъ слегка простоналъ. Кровь хлынула въ обѣ стороны и залила полъ. Уриѣ нагнулась еще ниже, бормоча и тряся головой, и стала зализывать рану. Черезъ минуту на животѣ мальчика не было никакихъ слѣдовъ, кромѣ кровяныхъ пятенъ и обычной грязи.

Все было сдѣлано очень чисто, но на этотъ разъ мои наблюденія были счастливыѣ. Уриѣ во все время опыта, показывала знаками, что ей очень жарко. Двѣ дочери, еще дѣвочки, брали изъ кадки съ водой комочки мокраго снѣга и подносили ей, и она глотала ихъ по обычаю туземцевъ. Въ комочкахъ была закатана свѣжая кровь тюленя, ибо то было время разгара тюленной охоты. Уриѣ распускала снѣгъ во рту и потомъ, низко склонившись къ предполагаемой „ранѣ“, выпускала кровь на животъ мальчика. Видимость раны была произведена искуснымъ нажимомъ большихъ пальцевъ шаманки. Талая кровь собралась въ складки живота и произвела иллюзію. Эта искусная шаманка, между прочимъ, тоже попалась въ воровствѣ, подобно шаману „Когтистая Баба“.

Опытъ съ ножомъ играетъ видную роль также и въ шаманской хирургіи. Каждый уважающей себя шаманъ имѣетъ магическій ножъ и догулку и претендуетъ на такое же уменье, какъ Уриѣ. Онъ дѣлаетъ видъ, что разрѣзываетъ паціенту брюхо, потомъ вынимаетъ болѣзнь или вкладываетъ туда потерянную душу, и заговариваетъ рану. Чукчи вѣруютъ въ такую хирургію стойко и твердо, почти какъ въ научную истину.

Однажды въ моемъ присутствіи полубольная чукчанка упала въ обморокъ. Мужъ ея, который не имѣлъ никакого отношенія къ шаманству, все-таки тотчасъ же подхватилъ ее на руки и сталъ пѣть и бормотать, какъ духи бормочутъ на всѣхъ шаманскихъ сеан-

сахъ. Онъ протягивалъ лѣвую руку въ сторону и дѣлалъ видъ, что ловить что-то. Это онъ ловилъ вылетѣвшую душу и потомъ старался вложить ее безчувственной женщиной въ ротъ или засунуть въ темя. Въ концѣ концовъ женщина очнулась.

— Хорошо что очнулась,—сказалъ сосѣдь,—а то я уже ножъ приготовилъ.

— Какъ же иначе,—сказалъ онъ, въ отвѣтъ на мои возраженія—если не разрѣзать и не вынуть болѣзни, она вѣдь останется внутри.

Я даже не могъ убѣдиться, имѣетъ ли онъ въ виду настоящій разрѣзъ или только примѣрный, въ подражаніе шаманамъ. Онъ не былъ шаманомъ и, быть можетъ, еще не подумалъ, какъ будетъ рѣзать. Очень вѣроятно, что онъ дѣйствительно вскрылъ бы больной женщиной брюхо.

Другой общераспространенный приемъ шаманской медицины есть отыскиваніе и возвращеніе бѣжавшей или украденной души. Этотъ приемъ десятки разъ описывается въ сказкахъ. Сказка о Чесоточномъ Шаманѣ описываетъ его до мельчайшихъ подробностей:

— „Шаманъ подозвалъ своихъ духовъ-помощниковъ и далъ имъ поддержать принесенную душу, потомъ двинулъ горломъ и проглотилъ полусгнившее тѣло мальчика. Потомъ крикнулъ принести чистую шкуру и выблевалъ тѣло обратно.... Кости стали на мѣсто, мясо пристало къ костямъ, и даже на щечкахъ заигралъ румянецъ.—„Давайте душу!“—крикнулъ шаманъ. Онъ проглотилъ и душу и плюнулъ душою на мертвое тѣло. Но она прошла насквозь и вонзилась глубоко въ стѣну—„Слишкомъ холодное тѣло,—сказалъ шаманъ,—душа не прилипаетъ“... Онъ снова проглотилъ тѣло, разогрѣлъ его въ своей утробѣ, потомъ выбросилъ вонъ и снова бросилъ душу. Тогда душа прилипла, и мальчикъ ожилъ“.

Тотъ же шаманскій приемъ, хотя и другой формы, изображенъ въ многочисленныхъ заклинаніяхъ, изъ которыхъ инны имѣютъ драматизированный характеръ и ведутся въ видѣ діалога между заклинателемъ, духами-помощниками и бѣглой душой. Душа представляется въ видѣ былинки, бабочки, жука, камешка, которыми заклинатель подъ конецъ завладѣваетъ, чтобы вернуть обратно пациенту. Заклинанія драматической формы существуютъ и у другихъ племенъ, напримѣръ, у якутовъ, по сообщенію Виташевского ¹⁾.

¹⁾ Сибирскій сборникъ, 1890, стр. 153.

Шаманы превращеннаго пола.

Мнѣ остается сказать еще о шаманахъ превращеннаго пола. Какъ уже сказано, они существовали въ болѣе раннее время среди коряковъ и камчадаловъ, на островѣ Кадьякъ, по сообщенію Сарычева, и на другихъ сосѣднихъ островахъ, по сообщенію Шелехова. Этотъ своеобразный институтъ издавна вводилъ изслѣдователей въ смущеніе и давалъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Такъ, нѣмецкій ученый Сибольдъ, по поводу сообщеній Мамаіи Ринзо, японскаго путешественника, о семейной жизни Сахалинскихъ Смеренкуровъ (гиляковъ), называетъ кстати и камчадалскихъ коекчучей, превращенныхъ шамановъ, упомянутыхъ Крашенинниковымъ участниками полиандрическаго брака ¹⁾. Если это полиандрія, то, *sui generis*, полиандрія *modo Socratis*.

Э. Пекарскій въ одномъ изъ примѣчаній къ „Черной Вѣрѣ“ Трошанскаго, изданной имъ въ 1902 году, по поводу тѣхъ же коекчучей, говоритъ слѣдующее: „Я не могъ выяснить, что такое собственно коекчучъ, мужчина или женщина, такъ какъ для этого пришлось бы проштудировать всего Крашенинникова, на что, въ виду спѣшности работы, не имѣю времени.“

У чукочь, а также у азіатскихъ эскимосовъ, институтъ превращенныхъ шамановъ существуетъ въ полной силѣ. Бываютъ не только мужчины, превращенные въ женщинъ (*kéuchhiä* „женоподобный“ или *yirka'-laul* „мягкій мужчина“), но также и женщины, превращенныя въ мужчинъ (*gáčikichécha* „мужеподобная“). Последнія, впрочемъ, рѣдки, и я знаю объ нихъ только по рассказамъ. Женщина, по велѣнію духовъ, становится мужеподобной уже наклонѣ лѣтъ, въ концѣ собственно материнскаго періода. Она надѣваетъ мужское платье, принимаетъ мужское произношеніе, которое у чукочь отличается отъ женскаго, берется за лукъ и копье, за арканъ и ружье; самый характеръ ея измѣняется и становится задорнымъ, воинственнымъ, какъ у мужчинъ. Она принимаетъ участіе въ борьбѣ и состязаніяхъ, наконецъ заводитъ любовницу или женится. Осуществленіе брака производится при помощи оленьей икры, наткнутой на палочку и прикрѣпленной

¹⁾ Р. Т. von Siebold, *Nippon*, VII, p. 169.

²⁾ Черная Вѣра, стр. 122.

къ кожаному поясу. Оленья икра—это обыкновенное орудіе, употребляемое чукотскими дѣвушками для мастурбаціи. Послѣ женитьбы, для того чтобы имѣть дѣтей, „мужеподобная“ вступаетъ въ союзъ смѣннаго брака съ какимъ-нибудь настоящимъ мужчиной.

Мнѣ описывали случай, въ которомъ одна вдова средняго возраста имѣла трехъ полувзрослыхъ дѣтей. Послѣ того она стала „мужеподобной“, вступила въ бракъ съ молодою дѣвушкой при помощи вышеописаннаго прибора и наконецъ черезъ посредство молодого сосѣда, товарища по смѣнному браку, явилась отцомъ еще двоихъ дѣтей. Согласно чукотскимъ воззрѣніямъ, это были ея собственныя дѣти. Тѣ и другія дѣти жили вмѣстѣ съ нею въ одной семьѣ.

„Мужеподобныя“ женщины, повидимому, не существовали у сосѣднихъ племенъ. По крайней мѣрѣ, объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Женоподобныхъ мужчинъ я встрѣчалъ неоднократно въ разныхъ концахъ территоріи, занятой чукчами. Съ однимъ изъ нихъ, самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ, я даже жилъ рядомъ нѣсколько дней и спалъ бокъ о бокъ. То былъ молодой *tiluwgi* или, быть можетъ, молодая, не знаю, какъ лучше сказать. Я встрѣтилъ его на вольномъ весеннемъ торжкѣ на тундрѣ у рѣки Россомашей. Это была странная, трагическая, дѣйствительно превращенная фигура. Онъ былъ высокаго роста и плотный, выше на полголовы своего мужа *Játirgin*, который, впрочемъ, былъ тоже веселый и крѣпкій парень, довольно выдающийся борецъ и скороходъ, бравшій призы въ состязаніяхъ. Но лицо у *Tiluwgi* было такое, что разъ увидишь и потомъ не забудешь. Оно имѣло женское выраженіе, какъ будто женская трагическая маска какой то особенной исполинской породы. Все сложеніе его было мужское, а жили они съ мужемъ *modo Socratis*, при чемъ „жена“ была пассивнымъ педерастомъ. Мужъ и жена жили довольно дружно. Мужъ былъ главой дома, какъ полагалось, а „превращенная“ жена усердно исполняла всѣ обязанности домашней рабыни, унижительныя и сложныя. Но, разумѣется, настоящимъ хозяиномъ дома была „превращенная“. Въ случаѣ нужды, на сцену являлась воля духа покровителя, который являлся также ея дьявольскимъ мужемъ, *kelé-uwāqic*, духомъ инкубомъ педерастомъ и высказывался ея устами.

Болѣе всего меня поражали женскія ухватки и замашки „превращенной“, ея застѣнчивость и даже стыдливость, страстная любовь къ маленькимъ дѣтямъ, которыхъ ей, конечно, не было дано имѣть отъ собственной плоти. Tiluwgi считалась, несмотря на свою молодость, сильною шаманкой. Всѣ сосѣди боялись ея, даже шаманы, и если шутили и злословили на ея счетъ, какъ водится въ каждомъ человѣческомъ обществѣ при такихъ пикантныхъ случаяхъ, то только шопотомъ, опасаясь мщенія ея дьявольскаго мужа.

Въ другихъ случаяхъ какъ степени, такъ и поводы полового превращенія были различны. Чаще всего духи требовали только ношенія женской одежды, и такой „по-женски одѣтый“ (ñaw-kédlan) могъ всетаки жениться и имѣть дѣтей, пасти оленей, охотиться, какъ всякій мужчина. Въ другихъ случаяхъ запрещались мужскіе промыслы, борьба, ношеніе оружія, но половая жизнь все же оставалась не нарушенной, и только у немногихъ все существо подвергалось превращенію. Были случаи явнаго полового извращенія уранической формы и случаи гермафродитизма. И рядомъ съ этимъ были „превращенныя жены“, которыя одновременно имѣли явнаго мужа и тайную любовницу.

Что касается дьявольскаго мужа, то я долженъ сказать, что иные шаманы-мужчины считаются имѣющими дьявольскую жену, духа помощника и вмѣстѣ суккуба, съ которымъ находятся въ плотской связи. Обыкновенныя женщины-шаманки, кромѣ „превращенныхъ женщинъ“, не имѣютъ духовъ инкубовъ, ибо женское шаманство, какъ сказано выше, проще мужского.

Заклинанія.

Среди заговоровъ, заклинаній и чарованій, употребляемыхъ чукотскими шаманами, я останавлиюсь только на такъ называемыхъ „порчахъ“. Порча—это созданіе искусственное, матеріальное или только матеріализированное, назначенное во вредъ врагу, „обреченному гнѣву“ (áññeno linyo), какъ говорятъ чукчи. Порчи бываютъ различныхъ категорій. Можно, напримѣръ, сдѣлать фигурку изъ дерева, травы, или мятыхъ листьевъ и дать ей имя обреченнаго человѣка, потомъ пробить ее желѣзомъ, жечь на огнѣ, терзать на части. Соотвѣтственная боль и страданія перейдутъ и

къ живому человѣку. Для той же цѣли можно употребить волосъ изъ одежды, обрѣзки ногтей, вынутый слѣдъ и въ особенности комокъ снѣгу, облитый свѣжей уриной жертвы. Что сдѣлаешь этой частицѣ, то же станется и надъ всѣмъ тѣломъ человѣка. Но еще чаще порча имѣетъ болѣе активный характеръ, она создается въ видѣ какого нибудь животного или человѣка или даже группы людей и потомъ подсылается къ обреченному, чтобы ввести его въ то или иное искушеніе и такимъ образомъ завлечь къ гибели. Послѣ того она возвращается къ хозяину, принимаетъ первоначальный видъ или совсѣмъ разрушается. Это представленіе о порчѣ имѣетъ характеръ совершенно эскимосскій. Можно сравнить, напримѣръ, сообщеніе Боаза относительно эскимосовъ Баффиновой земли ¹⁾.

Я записалъ серію разсказовъ, относящихся къ порчѣ, какъ легендарнаго, такъ и бытового типа, напримѣръ, разсказъ о томъ, какъ оскорбленная женщина, желая отомстить соперницѣ, превращаетъ свою собаку въ человѣка, а калъ ея въ маленькаго ребенка. Это отецъ съ сыномъ. Они уѣзжаютъ въ нарядныхъ одеждахъ, на щегольскихъ санкахъ, съ прекрасными бѣговыми оленями, потомъ проѣзжаютъ мимо указаннаго имъ стойбища, какъ бы случайно. Ихъ, по обычаю, приглашаютъ остановиться на ночь. Человѣкъ называетъ себя вдовцомъ. Ребенокъ плачетъ и тянется ручками къ „обреченной гнѣву“ женщинѣ. Женщина ловится на жалость и принимаетъ въ свой спальный пологъ сперва ребенка, потомъ и вдовца. Завязывается любовная сцена, но въ самую щекотливую минуту та отдаленная противница кличетъ собаку тихонько по имени: „Wutél, Wutél“, и человѣкъ снова превращается въ собаку, убѣгаетъ домой, увлакиваетъ вмѣстѣ съ собой и любовницу, какъ это случается съ собаками. Тѣло ея остается по ключьямъ на каждой кочкѣ, на каждомъ пнѣ и корнѣ лѣсистой дороги. И злобный кобель приносить мстительной хозяйкѣ только послѣднюю косточку таза погибшей жертвы.

Въ западной Колымской тундрѣ уже около полувѣка тянется распря между двумя семьями изъ-за счетовъ кровавой мести. Стороны избираютъ орудіемъ мести чаще всего странныя и сложныя порчи. Одному изъ участниковъ распри, отчасти знакомому мнѣ

¹⁾ Boas, Baffin Land Eskimo, pp. 153, 363.

лично, Vátiquai, противники подослали дикаго оленя, который далъ ему себя ранить изъ ружья, потомъ побѣждалъ и завлекъ его на гладкій ледъ большого озера. Vátiquai упалъ на бѣгу и сломалъ себѣ шею.

Эстетика шаманства.

Я упоминалъ выше, что въ шаманствѣ находятъ себѣ выраженіе также и эстетическія потребности чукочъ. Бубень, помимо призыва духовъ, служить также, какъ музыкальный инструментъ, особенно въ долгія зимнія ночи. Желая развлечься, чукча беретъ за бубень и начинаетъ пѣніе. Впрочемъ, простое и безцѣльное пѣніе постепенно растетъ и переходитъ въ шаманское дѣйствіе, даже у неопытныхъ людей. Съ другой стороны, у настоящихъ шамановъ чукчи пѣняютъ высокій, полный и ясный голосъ. Хорошаго пѣвца-шамана сходятся слушать за много десятковъ верстъ.

Помимо музыки, у каждого шамана есть рассказы о видѣніяхъ, такъ называемыя lóo (видѣнное), отчасти автобіографическаго содержанія, отчасти дѣйствительно относящіяся къ видѣніямъ во время экстаза. Шаманы рассказываютъ отрывки изъ нихъ съ вариациями во время шаманскаго дѣйствія въ подходящую минуту и послѣ.

Я записалъ цѣлую серію такихъ рассказовъ и долженъ сказать, что среди обширнаго чукотскаго фольклора это—самая поэтическая часть. Они проникнуты свѣжимъ и живымъ чувствомъ любви къ природѣ, и въ нихъ попадаются на каждомъ шагѣ странные, неожиданные, величественные образы.

Вотъ, напримѣръ, видѣніе шаманки Télriphe, упомянутой выше:

— Двѣ дѣвушки, дочери разсвѣта, спустились съ верхней земли посѣтить эту землю. Ихъ лица прекрасны, ихъ взгляды горятъ, какъ огонь, волосы вьются по вѣтру. Одежда ихъ изъ пестрыхъ шкуръ, широко отороченная бобромъ, по всѣмъ краямъ обшитая росомахой; отверстія рукавовъ наполнены сіяніемъ, обувь ихъ испещрена.

— Великіе люди, многоумные люди порицали ее, называли ее безумной. Только малыя дѣти говорили: „поиграй съ нами“...

— А она, многоумная и могучая, бесѣдуетъ съ духами, можетъ по желанію расти и уменьшаться и пріобрѣтаетъ многія тѣла. Когда

она хмурилась, олени сохли, когда смѣялась, олени укрѣплялись, и когда она плакала, олени плакали ¹⁾).

Но я, къ сожалѣнію, не могу процитировать все видѣніе.

Закончу тѣмъ, что я не знаю болѣе простой, прекрасной и точной передачи анимистическаго настроенія, какъ этотъ отрывокъ изъ видѣнія шамана Когáwге, который былъ неоднократно цитированъ:

— Въ рѣчномъ яру живетъ человѣкъ, голосъ тамъ существуетъ и говоритъ. Маленькая сѣрая птичка съ синею грудью шаманить, сидя въ углу между сукомъ и стволомъ. Дерево дрожить и плачетъ подъ ударами топора, какъ бубень подъ колотушкой.

Все существующее живетъ: лампа ходить, стѣны дома имѣютъ свой голосъ, даже ночной горшокъ имѣетъ страну и шатеръ, и жену, и дѣтей. Шкуры, лежащія въ мѣшкахъ для торговли, разговариваютъ по ночамъ. Рога на могилахъ покойниковъ встаютъ и ходятъ обозомъ вокругъ могилъ, и покойники тоже встаютъ и приходятъ къ живущимъ ²⁾).

В. Богоразъ.

Оттискъ изъ „Этнографическаго Обозрѣнія“, кн. 84—85.

¹⁾ В. Г. Богоразъ Матеріалы по изученію чукотскаго языка и фольклора. Изд. Академіи Наукъ, стр. 381.

²⁾ Ibidem, 386 стр.

9-483
7

69-7
1611